ПОЛКОВНИК ЕЛИСЕЕВ

ЛАБИНЦЫ

И

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ

1920 г.

Группа Георгиевских кавалеров Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. и урядников-гвардейцев на льготе Конвоя Российских Императоров — Александра 2-го, Александра 3-го и Императора Николая 2-го — одной из станиц Кубанскаго Войска. Снимок 1914 года.

БРОШЮРА №.....

Нью-Йорк. 1962 г.

Л А Б И Н Ц Ы

И

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ.1920г.

/брошюра № 4-й/.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

1.- Кроки боя 2-й Кубанской казачьей дивизии у хутора Романовскаго /город Кропоткин/ 27 февраля 1920г.

2.- Уход корпуса из х.Романовскаго 27 февраля.

3.- Последняя атака. . . .

4.- В станице Казанской.

5.- Приезд генерала У л а г а я.

6.- Офицеры 1-го Лабинскаго полка.

7.- Почему Лабинцы были таковыми!

8.- Новые офицеры полка.

9.- П р о щ а н и е к а з а к а . . . .

10.-Выступление корпуса в станицу Тифлисскую.

11.-"Мы идем в Грузию"...

12.-В станице Тифлисской.

13.-В станице Ладожской. В штабе корпуса.

14.-П о л о ж е н и е н а ф р о н т е.

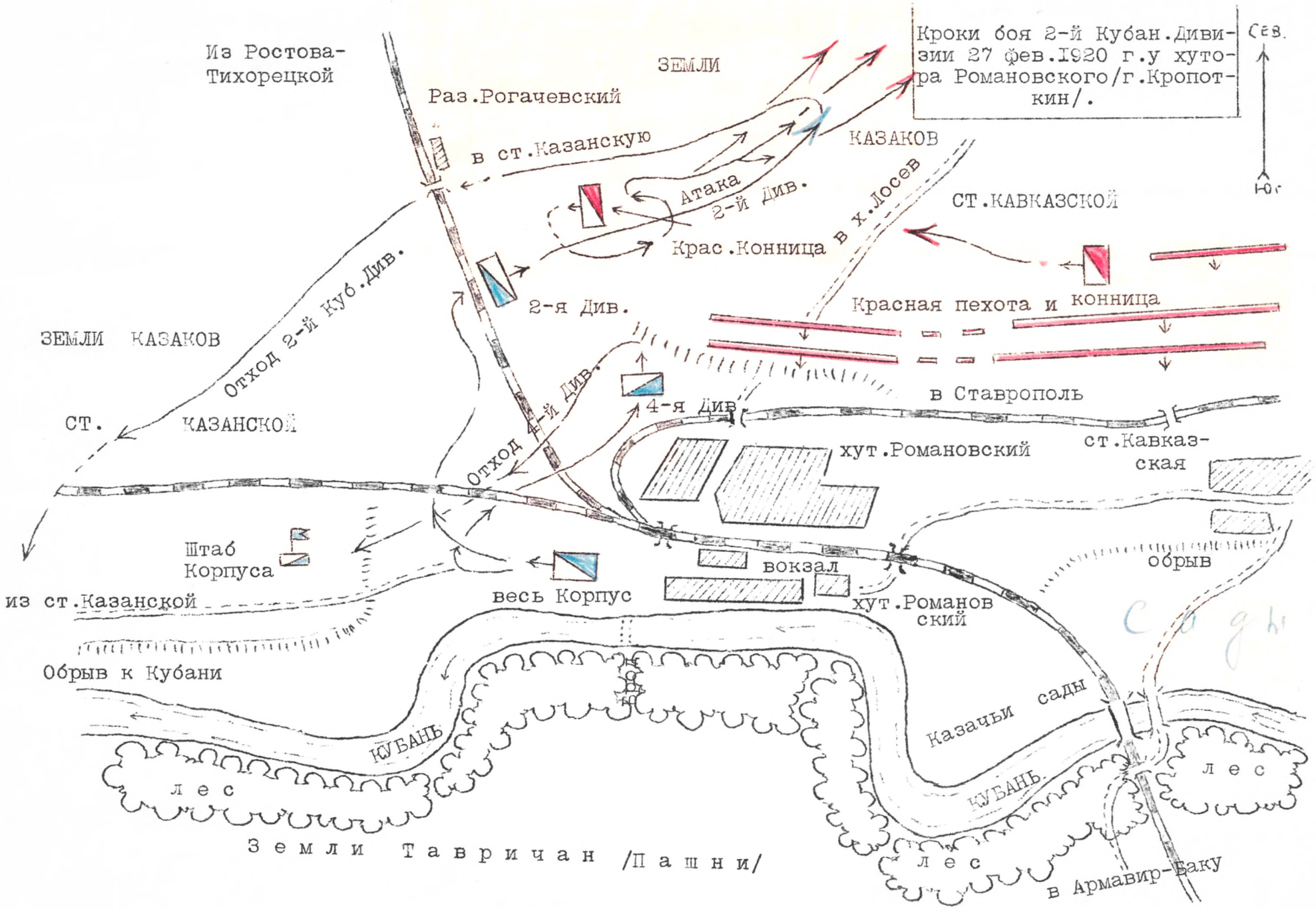
15.-П е р е п р а в а ч е р е з К у б а н ь. . . .

/Кубанский Рубикон. . . /

16.-З а К у б а н ь ю р е к о ю . . . .

- . -

Цена брошюры 1 дол.Выписывать по адресу:
Theodore Elyseev, 502 W. 177 St., Apt.1 C, New York 33, N.Y.

Кроки боя 2-й Кубан.Дивизии 27 фев.1920 г.у хутора Романовского/г.Кропоткин/.
Сев.
Юг.
Из Ростова-Тихорецкой
ЗЕМЛИ
Раз.Рогачевский
в ст.Казанскую
КАЗАКОВ
Атака 2-й Див.
Крас.Конница в х.Лосев
СТ.КАВКАЗСКОЙ
2-я Див.
Красная пехота и конница
ЗЕМЛИ КАЗАКОВ
Отход 2-й Куб.Див.
4-я Див.
в Ставрополь
СТ. КАЗАНСКОЙ
Отход 4-й Див.
хут.Романовский
ст.Кавказская
Штаб Корпуса
вокзал
обрыв
из ст.Казанской
весь Корпус
хут.Романовский
Обрыв к Кубани
КУБАНЬ
Казачьи сады
КУБАНЬ
лес
лес
лес
Земли Таврическая /Пашни/
в Армавир-Баку

УХОД ИЗ х.РОМАНОВСКАГО. ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА. . .

27 февраля,едва только начался разсвет,как с северных бугорков затрещал по хутору Романовскому огонь красных.Это подошла пехота их из х. Лосева,находящагося в 12-ти верстах от железно-дорожнаго узла станции "Кавказская" Владикавказской железной дороги. Этот "узел" находится в самом центре многонаселеннаго хутора в 40 тысячь жителей /теперь город Кропоткин/,связывающий линии Ростов-Баку и Новороссийск-Ставрополь,по двум продольным сторонам,огороженый бетоно-цементированой стеной против пешеходов.

Услышав выстрелы,уставшие полки после вчерашняго боя,моментально сосредоточились в указанных местах и вся 2-я Кубанская дивизия шагом двинулась по улицам на запад,к виадучному мосту,на соединение с остальными частями корпуса,ночевавшими в южной половине хутора,как было указано в приказе по корпусу.

Являюсь к генералу Науменко; он улыбается и спрашивает - "Что,жарко было вчера?" - т.е.он спрашивал - тяжело-ли было вчера г пешем бою дивизии на солнцепеке и в течении целаго дня? Этим он хотел,видимо,подбодрить меня и стушевать резкие слова своего начальника штаба корпуса полковника Егорова,который по телефону угрожал меня предания суду,если я отступлю от х.Лосева,не выдержав огня красных.

"Да,жарковатр было,Ваше Превосходительство",отвечаю ему и,теперь, мы все трое /и Егоров/,дружески улыбаемся.

Генерал Науменко,часто,умело подходил к человеческой душе.

Весь корпус,не останавливаясь,спокойным шагом стал подниматься на высокое плоскогорье,по дороге к станице Казанской,отстоящей от Романовскаго в 10-ти верстах.

С полупод,ема было обнаружено,что красные еще не вошли в хутор,а занимали позиции на своих бугорках. В это время,от вокзала Кавказская,в направлении Тихорецкой,вышел наш бронепоезд.Для его поддержки выдвинута 2-я дивизия.Перевалив жел.дор.полотно без моста на Екатеринодар - дивизия нагнала бронепоезд и двигалась чуть позади его.Вдруг он остановился и открыл частый орудийный огонь на восток и,одновременно с этим,из низины,конная группа человек в 500,широким наметом бросилась на-утек.Это было для нас полной неожиданностью.Быстро,без моста,перевалив жел.дор. полотнр на Тихорецкую и построив дивизию в резервную колону /все головы полков на одном уровне/,широкой рысью стал подниматься в сторону уходившаго противника.

Генерал Науменко,посылаю 2-ю дивизию,рекомендовал не ввязываться в бой,а только поддержать наш бронепоезд,но картина бегства красной конницы настолько была паническая,что невольно втягивала в преследование.

Для воодушевления и "веселости" - остановив хор трубачей в 30 человек на невысоком пологом кургане - приказал им играть бравурные марши. Конница красных,выйдя из сферы досягаемости орудийнаго огня бронепоезда,вдруг всею своею массою быстро повернула на север,потом на запад и, не меняя своего широкаго аллюра - бросилась навстречу дивизии.Позади нея,три длиннейшия цепи пехоты краснх,в далеком мареве ранняго утра, наступали на станицу Кавказскую.Хутор Романовский был обложен с севера. 2-я дивизия совершенно случайно появилась действующей во-фланг и,даже, чуть в тыл всей красной пехоте,направлявшей свой главный удар на станицу Кавказскую,где наших войск уже не было.Красное командование,видимо, предполагало,что 2-й Кубанский конный корпус перейдет Кубань у станицы

и отойдет в Майкопский Отдел,но не на запад.Два моста через Кубань - каменный железно-дорожный и чугунный для подвод - были ведь внизу у станицы Кавказской,которые им необходимо было взять,чем окончательно раз,- единить войска Севернаго Кавказа,прервав меж ними всякую связь - и жел. дорожную,и телеграфную и телефонную,не говоря уже "о живой связи",которая неподдерживалась и тогда ввиду широкаго фронта восточной половине Севернаго Кавказа.Так думали и офицеры-лабинцы"отойдя к станицам своего полкового Округа и пополнив Лабинскую бригаду - закрепиться по реке Лабе"Не скрою - так думал и я,как на естественный отход "за Кубань".

Военачальник красной конницы,которому,видимо,было задание охранять правый фланг своей пехоты,надо признаться,действовал молодецки,почему и обрушился на нашу дивизию со всем жаром,имея позади себя сильный состав войск.

Красная конница шла в контр-атаку широчайшим аллюром всей своей густой массы.Режет мысль:- "Если казаки дрогнут - дивизию можно будет собрать только под станицей Казанской"... И в этот момент,я вспомнил о своих пулеметах.

На правом фланге,по старшинству полков,шла малочисленная Кубанская бригада,шашек в 250. Левее - Лабинская около 1.000 шашек.Повернув бригады в противоположныя стороны - выкрикнул: - "ПУЛЕМЕТЫ 1-го ЛАБИНСКАГО ПОЛКА - ВПЕРЕ-ОД!"

Правеее меня,не ожидая приказания,выскочила широким наметом пулеметная команда 1-го Кубанскаго полка со своими 6-ю ручными пулеметами системы "Люиса".Впереди нея скачек сотник,держа свой пулемет поперек седла у передней луки.22 пулемета Лабинцев на линейках,с величественным в боях есаулом Сапуновым - карьером выбросились вперед и.... заскворчали все,до трех десятков пулеметов.Конница красных,от неожиданности,смешалась и повернув назад - бросилась на утек.

"В АТАКУ-У!... МАРШ-МА-АРШ!" - кричу командую,но полки,видя всю эту картину - уж сами бросились сместа в карьер.

Это поле принадлежало казакам станицы Кавказской.Еще недавно - здесь были только сенокосы.Почва твердая,с бурьяном.Уже просохшая земля повесне.Теплое весеннее утро с мягким ласкающим ветерком с востока.Позади - мощный хор трубачей 1-го Лабинскаго полка воинственно-бравурными маршами бросал душу воинна в поднебесье,к победе.Все это вместе взятое толкало на подвиг,даже,и не храбреца.

Я не поскакал с полками,а остался наблюдателем у пулеметов.По горячности - я бросил в атаку все четыре полка и когда они "вырвались" у меня из рук - остался безо всякаго резерва.Вот почему и остался с пулеметами как с самым надежным резервом,который,был уверен,никто уж "не сомнет".

Красные невыдержали,повернули назад и... все слилось в головокружительную скачку по чистому ровному сухому полю - одних удирающих,а других - преследующих.

В это время,южнее нас версты на три - рысью вышла на бугорки 4-я Кубанская дивизия полковника Хоранова и остановилась.Не было-ли возможности атаковать красную пехоту во фланг или еще что другое заставило Хоранова не принять участия,не знаю,но дивизия остановилась и не двинулась дальше.Артиллерии при дивизиях не было.Вместе с незначительными обозами полков,она оставалась при штабе корпуса,т.к.приказано не втягиваться в затяжной бой.И этот бой был совершенно случайный.

Я стою верхом и наблюдаю и наблюдаю на дивную картину дикой скачки казаков, разсыпавшимся по всему широкому полю. Красные, почему-то уходили на северо-восток, но не к своим наступающим пехотным цепям, оказавшимся к этому моменту юго-восточнее боевого поля конницы, почему весь удар пришолся на Лабинскую бригаду, бывшей на левом фланге.

Казаки прижали красных к пахаанному полю. Извиваясь змеями по нетронутым плугами участкам - зигзагообразными лентами распластались они в спасающемся карьере, настигающими казаками. Полки были уж так далеко от меня, что я, оставив есаула Сапунова с пулеметами, приказав быть "на-стороже" - поскакал к каким-то остановившимя группам казаков. Прискакал и вижу - четыре тачанки красных с пулеметами строчат по своим. Возле каждой тачанке несколько урядников с револьверами в руках, угрожающе требуют от пленных пулеметчивов "лучше целится"... С перекошенными от стаха лицами за свою жизнь - пленные "добросовестно" исполняли свою роль...

Полки вышли красным в тыл. Вдруг со стороны станицы Кавказской, из балки, меж длиннейших, облегающих станицу, цепей, показалась свежая конная группа красных человек в пять-сот и широким наметом двинулась на поддержку разметаной своей конницы на правом фланге. Полки дивизии расбросаны и дело могло повернуться в неблагоприятную для казаков сторону. Штаб-трубачу Василию Диденко приказал трубить "Сбор". И залилась труба в утренней тишине степи:

"Соберитеся всадники ратные...
. . . . . .
"Слушайте, всадники-други -
"Звуки призывной трубы-ы...

Такой теплящий, весенний, приятно-растворяющий день выпал 27 февраля 1920 года, что казаки, расбросавшись в дикой победной скачке по широкому полю, видимо, и не думали присоединяться к своим разметавшимся сотенным значкам.

После головокружительной скачки, наспех ввязав полушубки в торока - расгоряченные, безпечно и сладостно, мелкими группами, маячили они везде, словно стараясь в последний раз, и во всю свою молодецкую грудь, надышаться и насладиться свежим тепловым весенним воздухом, в последнюю свою конную, удалую атаку, на своем казачьем поле, и вне строя и вне слов "команд".

А тут еще жаворонок, взвившись в воздух и остановившись "на мертвой точке" - так соблазнительно пел и переливался над казаками, словно над мирным пахарем... Ну куда-же было там казакам "до строя"!

Неожиданно прискакал ординарец от генерала Науменко, наблюдавшаго всю эту картину с высокаго плоскогорья перед станицей Казанской, с приказанием: -

"2-й дивизии свернуться и оставив сторожевое охранение у железной дороги - на ночлег войти в станицу Казанскую".

Далеко-далеко на юго-восток, в мареве очень теплаго весенняго дня, когда "играет горизонт" - три длиннейших цепи красных, видимо выждав конец коннаго боя - поднялись и двинулись к моей станице Кавказской, где осталась одна женская часть семьи отца - старушка бабушка, пожилая мать и подростки-сестренки... Я знал, что их никто не может защитить. И тутже, острой болезненой струйкой пронеслась мысль: - не навсегда-ли я покинул свою родную станицу?... И какая-то растворяющая теплота разлилась по всему моему организму, да так, что я почувствовал полную слабость в своем теле, а в душу вошло какое-то гнетущее уныние.

Да-а... драться было уже безполезно. За нами оставалась только левобережная Кубань-Отчизна. И что "это" было по сравнению с необ,ятной территорией всей России, занятой уже красными?!...

И эта борзая атака,как оказалось,была последею атакою 2-й Кубанской казачьей дивизии и доблестно-удалых стойких Лабинцев.

Дивизия отходила через жел.дор.мост у раз,езда Рогачевскаго,что перед станцией Мирской,в направлении Тихорецкой.И вновь так знакомые места еще с детства.Здесь стоит все тот-же колодец у жел.дор.будки,из которого,на сенокосе,казаки брали воду "в очередь",курили,говорили о делах и немного ругались из-за этой очереди,т.к.больше колодцев не было здесь в степи,вдали от станицы,17 верст,а Кубань "с водою",была еще дальше.

Об этом дне генерал Деникин написал потом:

"К 27 февраля,северный фронт отошел на линию реки Бейсуг.Тихорецкая и Кавказская были уже оставлены нами и связь с Северным Кавказом - - утеряна"./Очерки Русской Смуты,том 5-й,стр.319/.

В СТАНИЦЕ КАЗАНСКОЙ.

Степью,2-я дивизия поднялась на высокое Казанское плато.Впереди нас движутся отсталые обозы и одиночные казаки пешком.Мы обгоняем их.

"Федя-а!.. возьми меня с собою?"слышу я так знакомый,чуть шепелявый, голос сотника-пластуна,станичника,Гриню Белоусова.Он старше меня летами и по Майкопскому техническому училищу.Окончив последнее - стал станичным учителем с двумя своими сестрами.Благородная семья в станице.Отец их был Атаманом Романовскаго хутора и,искореняя воровство,был убит ими.

"Ты почему здесь,Гриня?" удивленно спрашиваю его.

"Да почему'...разбежались пластуны... незахотели идти дальше.. ну, вот мы,офицеры,и остались одни",весело отвечает он.Я дал ему заводную лошадь и он вошел в Казанскую с дивизией.

2-я дивизия была расположена в северной части станицы,ближе к противнику.Станица была хозяйственная и богата всеми достояниями кавказа-земледельца.

Штаб корпуса расположился на церковной площади у очень богатаго коммерсанта.

"Ну,теперь отдыхайте.Больше,думаю,таких боев уже не будет",как всегда ласково и весело говорит мне генерал Науменко,когда я явился к нему.

Я выражаю ему свое недоумение,почему полковник Хоранов не продвинулся вперед,когда 2-я дивизия атаковала конницу красных? Науменко улыбается и хотя недоволен немного на Хоранова за это,но вновь говорит,что - - "Все это было,почти что,ни к чему...мы будем теперь отступать непринимая боев".

ПРИЕЗД ГЕНЕРАЛА У Л А Г А Я.

В Казанской корпусу назначена дневка.Вечером,генерал Науменко вызывает меня к себе и,как всегда,весело,дружески говорит:

"Елисеев...завтра,поездом,на станцию Милованово,приезжает Командующий Кубанской армией генерал Улагай,смотреть наш корпус.Почетный караул для встречи,сотню,я назначаю от 1-го Лабинскаго полка,как самаго достойнаго во всем корпусе.Вы довольны?"- закончил он .

"Покорно благодарю,Ваше Превосходительство,но не обидится-ли на это полковник Хоранов? 1-й Кавказский полк гораздо старше Лабинскаго и более заслуженый по наградам... да и Хоранов гораздо старше меня",докладываю я "свой резон".

"Ну,нет!...Старшинство тут не при чем. 1-й Лабинский полк единственный,достойный этой чести. И Вы не безпокойтесь о старшинстве.Этого я хочу!" - уже серьеным тоном заканчивает он. "А Хоранов...Вы-же его хорошо знаете",добавляет он,не утончая ничего и не ставя точку над "i".

28 февраля,утром,сотня почетнаго караула 1-го Лабинскаго полка,все в той-же своей серой,боевой,как и вчера в последней атаке,формы одежды,т.е.в серых истрепаных черкесках,при полковом Знамене и хоре трубачей - выстроилась на маленькой жел.дор.станции Милованово,что при станице Казанской.На правом фланге генерал Науменко со своим нач.штаба корпуса,полковник Хоранов и еще какие-то старшие офицеры.

Ждать было недолго.Скоро со стороны Екатеринодара подошел паровоз с одним небольшим пассажирским вагоном и мягко остановился у вокзала. В дверях вагона немедленно-же показался генерал Улагай и мягко,упруго, соскочил с порожек вагона.Все это у него вышло так просто,красиво,благородно,словно приехал не "Командующий армией",а простой молодецкий казачий офицер,в гости,на дачу,котораго все так с нетерпением ждут на вокзальчике глухой провинции..И он,что-бы не терять времени - быстро соскочил,чуть-ли не на ходу,с поезда,что-бы обнять своих,так ему близких и дорогих друзей.

Он был в темно-серой дачковой черкеске,при черном бешмете и чернаго каракуля небольшой папахе.И - никаких украшений и знаков отличия на скромной черкеске.Ему тогда было,думаю,около 40 лет от роду.

Чисто выбритый брюнет,типичный горец,Кубанский черкес благородной семьи - Уздень.

Весной 1919г.,на Маныче,он был нашим Командиром 2-го Кубанскаго коннаго корпуса.И в боях - он был так-же одет,как и сейчас - стильно,чисто по-черкески,к народу котораго он принадлежит по рождению.Но - на Маныче,когда красная конница,перейдя длинную греблю у села Кистинскаго и уничтожила на нашей стороне заставу 1-го Черноморскаго полка полковника Н.И.Малышенко - он вызвал на курган командира сотни,от которой была застава,ротмистра и,в присутствии нас,командиров полков и начальника дивизии генерала Бабиева - очень коротко,спокойно,почти лаконически,на очень чистом русском языке и чисто "кавалерийским цуком" - пристыдил очень приятнаго и отчетливаго кавалериста,молодого ротмистра, незадевая его личнаго достоинства.Мне тогда,эта манера генерала Улагая, очень понравилась.

Теперь я встречаю Улагая в иной обстановке и при иных воинских положениях.И когда он ступил на землю,скомандовал:

"Шашки вон,слушай,на кра-УЛ!" - и взяв свою "под-высь" - подошел к нему с рапортом.

Выслушав рапорт и пожав руку - Улагай жмет руку всем офицерам.Потом идет к строю Лабинцев.Вот этот строй - ровный двух-шереножный,обыденно серый,незаметный никакими достопримечательностями.Но то,что это стояли Лабинцы - генералу Улагаю говорилось многое.Это-же он с ними,со 2-й Кубанской дивизией,со средних чисел июля месяца 1918 года,исколесил вдоль и поперек всю Ставропольскую губернию своими победоностными боями!А потом - движение с ними же на Царицын и на Камышин в 1919-м году. Везде был успех,победа и слава. И теперь,в годину крупнаго несчастья, они вновь пред ним,храбрые пред храбрым.Есть о чем подумать и высказаться ему!

Бросив глаз на строй казаков - Улагай остановился.Потом быстро пройдя пред ним,стал посредине,взял руку под козырек и громко произнес:

"ЗДРАВСТВУЙТЕ МОИ ХРАБРЫЕ ЛАБИНЦЫ!"

Я не хочу описывать как могуче и радостно ответили казаки своему долгому и храброму старшему военачальнику,теперь "и мои храбрые Лабинцы".Это нужно понять без слов.

Опустив руку - Улагай обратился к почетному караулу,как представителям ото всего 1-го Лабинскаго полка,с горячими словами похвалы за то, что на фоне безконечнаго отступления всех частей армии генерала Деникина и многих неудачь,как и потери духа в армии -

"Только Вы - мои славные Лабинцы проявили безконечное мужество,храбрость и верность Кубани!" Говорил Улагай и еще что-то многое,хорошее о них и закончил так:

"Верные храбрые благородные Лабинцы!..Вашу кровь и стойкость никогда незабудет Кубань!"

Штаб корпуса с генералом Науменко,штаб дивизии и все другие старшие офицеры корпуса - затаенно слушали редкие слова резкой похвалы замкнутаго храбрейшаго в Кубанском Войске черкеса-рыцаря.То были лучшею и самою ценною наградой 1-му Лабинскому полку за его последнюю боевую доблесть и пролитую кровь.
Я стоял позади него и внимательно слушал.

Генерал Улагай хочет посмотреть полк,который был выстроен в конном строе позади вокзала.Почетный караул,Знамя и оркестр трубачей немедленно-же отправлены в строй.
Улагай хочет представиться пред полком в седле.Полковнику Булавинову,моему заместителю,бросил три слова: - "Дать хорошего коня".Ему подали кабардинца светло-гнедой масти.Он очень легко,"как молодой хорунжий" вскочил в седло.Конь оказался нервный и вьюном завертелся под ним.Что-то было неладное и с казачьим седлом,с длиною стремян и подушкою.Как известно,что у казака,в седельной подушке,по арматурному списку,должно быть уложено носильное белье.Это уродовало подушку и делало ее оченьже-сткой,негладкой,не-эластичной.Поправляя что-то под ногою,Улагай с наивной,чисто детской улыбкой неискушеннаго горца смеется,и,бросив на меня взгляд,поясняет коротко: -"никак не приспособлюсь в седле!"..
Улыбаюсь и я ему,словно поясняя,что - "да,конечно.. к чужому седлу не всегда можно приспособиться сразу...я это понимаю".

1-й Лабинский полк встретил генерала Улагая с полным своим церемониалом.Став перед строем - он повторил все те слова,которые сказал почетному караулу.Вселял надежды.А потом об,ехал ряды,осматривая состояние лошадей.
Несмотря на жуткое время,на походы,на переходы,на бывший холод,потом дожди и грязь - конский состав полка,как и всего корпуса,был хорошь,незамореный.Жили и кормились ведь по своим богатым станицам! Конь у каждаго казака собственный и он за ним ухаживал с большою заботою.
Обыкновенно,в донесениях очень и очень многих начальников-конников, вечная жалоба на "худобу лошадей",отсутствие фурпжа,подков и пр.,что всегда вводило высшее начальство в заблуждение о доподинном состоянии конницы.Эта манера была недобросовестная,что бы оправдаться и о неудачах,иль что бы не посылали его части в бой.Смешно читать теперь,даже

и очень в высоких чинах генералов-конников,что "их полки так обезсилены в коннском составе,что в атаку ходят только рысью"...И тут же доносят о богатых трофеях,и пленными,и орудиями и пулеметами.Но - атакой "рысью" никакую пехоту не возьмешь в плен с пулеметами и пушками!Это есть ненужная и вредная скорбь,как и недобросовестность.Иль доносят: - "Столько-то порублено красных... все поле усеяно трупами,брошенным оружием,подводами и пр.".

В данный период времени,не только что только 1-й Лабинский полк,коим я командовал,но и все остальныя части 2-го Кубанскаго коннаго корпуса генерала Науменко,имели хороший конский состав и "тела лошадей",были гораздо лучше,чем имели теже полки на Турецком фронте в войне 1914-17 годов.

Проведший все годы этих войн в строю и на ответственных должностях - фиксирую для безпристрастной истории.

После всей процедуры встречи - генерал Улагай,Командующий Кубанской Армией,удалился в штаб корпуса,где,надо полагать,имел с генералом Науменко обстоятельный разговор об общем боевом и моральном состоянии всех трех Армий генерала Деникина,как,думаю,и планов на будущее.Частично о них мы услышали на второй-же день от генерала Науменко,о чем сказано будет потом.В тот-же день генерал Улагай вернулся в Екатеринодар.

ОФИЦЕРЫ 1-го ЛАБИНСКАГО ПОЛКА.

Не в одной доблести казачьей,иль их командира полка,заключалась и доблесть и храбрость 1-го Лабинскаго полка.Передаточными начальниками от командира к казакам - были командиры сотен.О них,доблестных и ретивых - я должен оповестить Войсковую Историю.

Полковник Александр Павлович Булавинов,старый Лабинец.По выпуску из военнаго училища - сверстник генералам Бабиеву и Фостикову.Умный,исполнительный офицер.Разсуждающий всегда,т.е.вначале взвешивающий события, потом уж действующий.Часто недовольный высшим начальством,критикующим. С подчиненными офицерами корректен и авторитетен перед ними.Хотя он и не рвался вперед,но и не оглядывался назад.Старше меня,и летами и по выпуску из военнаго училища лет на 6-7 - вел себя прекрасно и,у меня, никогда с ним не было недоразумений,как никогда он и "не закусывался", что стал в подчинение к младшему.

Командир 1-й сотни,25-ти летний есаул Минай Бобряшев,казак станицы Владимирской.Совершенно интеллигентный офицер,кажется со средним образованием.С полным сознанием своего офицерскаго достоинства,гордости и благородства.Быстрый во всем,сноровистый,жаждущий славы полку.Умный, влюбленый в свой 1-й Лабинский полк,который,казалось,по одному моему жесту - мог броситься на самый безумный подвиг.Это был типичный удалой Лабинец,для котораго звук "Лабинец" - был выше и милее всего на свете.

Так неожиданно был смертельно ранен при оставлении станицы Дмитриевской 24-го февраля и умер в нашем доме,на руках нашей матери и Надюши.

Он так просил их спасти от смерти,желая жить,жить...Тело его было отправлено в его станицу,несчастной вдове-матери.

Командир 2-й сотни,сотник Луценко,казак станицы Попутной.Он из урядников мирнаго времени.Храбрый,упорный,строгий к казакам и жестокий к красным.Последним он мстил за разрушение Казачества.Высокаго роста,сухой,жилистый брюнет за 30 лет - он был уважаем казаками.Мною то-же.

Командир 3-ей сотни сотник Ковалев.Из урядников-лабинцев мирнаго времени.Небольшого роста,хорошо сложеный,отчетливый.В черной черкеске и маленькой белой папахе сдвинутый на-глаза - он во всем копировал "своего бога",сотника Колю Бабиева,и это уже заставляло быть ему храбрым.

"Селям!" - слышу я его голос на своей станичной площади,перед набегом на станицу Темижбекскую,когда спешеный полк стоял сотнями разрозненно за малым местом.

"Чох Саул!" - громко отвечали казаки его сотни.

"Еще раз!.. и гомче отвечайте - "СЕЛЯМ!" - кричит он.

"Чох Саул!" - пронизывает сотня площадь.

"Кто это?" - спрашиваю полковника Булавина. Булавинов улыбается и отвечает:

"Да это командир 3-ей сотни,сотник Ковалев,копирует Бабиева...Такой поклонник его,что,ужас!"

Ковалев,в чине есаула,полученнаго им на Черноморском побережьи,в 1921-м иль 22-м году,из Константинополя,в группе офицеров,был переброшен на Кубань,как разведчики.Много горя причинил он красным,сформировав там Партизанский отряд.Был окружен красными в одном доме и с гордостью погиб в неравном бою.

Командир 4-й сотни,есаул Сахно,казак станицы Тихорецкой.Из станичных учителей.Средняго роста мускулистый мужчина смужественным лицом брюнета и умными черными веселыми глазами.Во всем твердость,разсудительность,умелость,смелость - во всем непререкаемый авторитет и в своей сотне и среди офицеров..Даром не потеряет казака в бою,но если надо - будет до конца стоять в бою.Разсудительно храбр.Добр с казаками.Сам костистый,подтянутый,на крупном мощном гнедом коне - перед своею сотней - словно олицетворял силу и твердость своих подчиненных.Как хорошо грамотный офицер,проведший две войны,боевым опытом постигший военное дело - вполне мог командовать тогда полком.

Командир 5-й сотни,сотник Николай Кириллович Щепетной,казак станицы Попутной.Окончил духовную семинарию,почему имел отличный слух и голос в песнях казачьих. В малом и хрупком,казалось,его теле - была умная голова и проницательная душа.Он все изучит,все разсмотрит,все взвесит,об,яснит казакам и потом - хитро,тихонько идет со своею сотнею к цели.Я его полюбил как своего младшаго брата,который,боясь ошибиться - так внимательно прислушивался ко мне,изучая вопрос.Что непонятно - переспрашивал и усвоив все - шел уже наверняка.Ему было не свыше 25 лет, но выглядел он еще моложе.

Командир 6-й сотни,хорунжий Меремьяни 1-й,казак станицы Канстантиновской.22-х летний молодой чистенький мальчик,рыжеватый и с веснушками на лице.По-станичному - "конопатый".Он был кумиром сотни,которая наполовину состояла из его станичников,со многими родственниками,по фамилии так-же Меремьяниновыми.У него было "молодое дерзание" и сотня его была монолит.И где все управлялось не словами воинской дисциплины, а по семейному,и нарушить это "семейное право",не поддержать друг-друга - никому и в голову неприходило.И их командир-мальчик с нежным лицом,для них был,словно "знамя"; и котораго слушаться надо безпрекословно.

Начальник пулеметной команды есаул Сапунов,казак станицы Ново-Александровской.Из урядников-пулеметчиков мирнаго времени.Это был исключительно интересный образ воина гражданской войны.

Высокий,крупнаго телосложения,с крупными чертами смуглаго лица - он мог похрдить на черкеса,на грузина,даже,на цыгана.В косматой белой папахе,в длинной шубе-черкеске,на небольшом светло-сером коне - он ярко выделялся в массе конных казаков.Фанатик-пулеметчик,храбрый и упорный в боях - он метался позади своих пулеметных линеек верхом,что-то кричал,указывал своим казакам,следил за каждым казаком-пулеметчиком,был весь поглощен работою своих пулеметов.За-глаза - казаки подсмеивались над ним,но любили его,уважали и верили ему.В бою,они боялись его больше,чем противника,т.к.после боя он так высмеит струсившаго,так его устыдит,"розыграет" при всех,что уж лучше "погибнуть в бою",чем все это слышать,иль потерять веру своего храбраго начальника,такого-же простого казака в офицерских погонах,как и все его подчиненные.

Качества младших офицеров не буду описывать - все они были молодецкие,но главное было то,что их крепко связывало с 1-м Лабинским полком, - за единичными лицами - все они были кровными Лабинцами,почему,вне своего полка - они не мыслили быть,служить,воевать.Это был совершенно однородный элемент,молодой возрастом,в полном разцвете своих физических сил,совершенно не потерявший сердце.И теперь,с такими боевыми успехами полка - еще более встряхнувшийся и жаждущий подвигов.

ПОЧЕМУ ЛАБИНЦЫ БЫЛИ ТАКОВЫМИ?

Все полки Кубанскаго Войска одинаковы. Психологическую разность можно провести только между полками бывшаго Черноморскаго казачьяго Войска и бывшаго Кавказскаго Линейнаго казачьяго Войска.В Черноморских полках - стойкость,спокойствие,дивное пение,вертуозный танец "гопак" - все от Запорожскаго казачьяго Войска. У Линейцев-же - молодечество,лихость, подражание черкесам - в седле,в манере носить черкеску,пронестись в лезгинке.

Но,главное - состояние каждаго полка всех армий и народов,зависит от личности командира полка и,отчасти,от состава общества офицеров.Это есть истина,о которой ненужно доказательств.

Какой-то полководец сказал: - "История конницы - это есть история ея Вождей",что совершенно верно.Как во всяком деле,оно бывает плохо, иль хорошо,от главы его.

В мирное время,в 1-м Лабинском полку был отличный офицерский состав. Это не значит,что в других полках был "плохой офицерский состав",но - семья офицеров была дружная и работала над своими казаками.Наш полк одно время сосредоточенно жил в оч.маленьком курдинском селе на Турецком фронте и мы могли безпристрастно оценить офицеров 1-го Лабинскаго полка.В гражданской войне 1918-19гг.за этот период времени,их полк дал родному Войску четырех генералов: - Абашкина,Венкова,Бабиева и Фостикова,которые,кроме Абашкина,на войну 1914-го года - вышли в малых обер-офицерских чинах.Лабинцы могут этим гордиться.Но главное,чем вызвана стойкость Лабинцев,даже,в последнее дыхание Вольной Кубани,так это то, что летом 1918 года,после возстания их против красных - по станицам произведен был жестокий террор,когда погибли многие сотни казаков.И террор красных был необыкновенный.Согнав на площадь станицы арестованных - их рубили шашками...И ни в одном Отделе Кубанскаго Войска не было такового массового возстания против красных,как и террора над казаками,как в Лабинском полковом Округе.

Генерал Шкуро,в своей книге "Записки Белаго Партизана",разсказывает о Лабинцах так:

"18 июня 1918 года,я перешел с Отрядом в район Белаго Ключа,верстах в 16-ти от станицы Бекешевской.Сюда прибыл ко мне раз,езд Лабинцев

доложивший,что он послан под,есаулом Солоцким,пробивающимся на соединение со мною из Лабинскаго Отдела через станицы Вознесенскую и Отрадную.

21 июня мои раз,езды донесли,что Солоцкий приближается.Мы все бросились к нему навстречу.

Сотня за сотней, с песнями ехали лихие Лабинцы.При моем приближении, бывшие в их отряде трубачи грянули Войсковой Марш.Далеко покатилось,оглашая леса и горы,могучее УРА.Папахи полетели в воздух.Мои казаки обнимали и целовали вновь прибывших.Это был незабываемый момент.

Солоцкий привел с собою около 5.000 годных к бою казаков - два конных полка - 1-й Лабинский и 1-й Хоперский,и два пластунских баталиона того-же наименования /около 4.000 шашек и 1.000 штыков/.Все люди имели хорошее вооружение,как холодное,так и огнестрельное.При Отряде насчитылось с десяток пулеметов,но патронов было мало.Офицеров в Отряде тоже было мало.Командный состав больше из вахмистров и урядников.Однако,главная беда состояла в том,что за Отрядом Солцкаго двигался большой,почти в 2.000 подвод-обоз беженцев,везших свой скарб,гнавших за собой громадные стада овец и рогатаго скота". Дальше Шкуро продолжает свой разсказ о самом Солоцком:

"Под,есау Солоцкий происходил из казаков станицы Владимирской.Он был инженером по образованию.Призваный под Знамена с начала Германской войны - дослужился до чина под,есаула.После большевитскаго переворота,когда на Кубани тайно образовалось "Общество Спасения Кубани",растянувшееся по всему Краю и подготовлявшее вооруженную борьбу против красных - Солцкий примкнул к этой организации и деятельно работал в своей станице

Когда слухи о поднятом мною возстании докатились до Лабинскаго Отдела - Солоцкий поднял восстание в свою очередь.

Вокруг Солцкаго об,единились до 10.000 казаков.Отряд его принял название "Южно-Кубанской Армии".Солцкий захватил Армавир,однако,не имея артиллерии,был скоро выбит оттуда.

Преследуемый большевитскими отрядами,он долго метался по горам Лабинскаго Отдела,то нанося большевикам поражения,то неся сам потери и восполняя их казаками,примыкавшими к нему из станиц,по которым он проходил

У станицы Исправной Баталпашинскаго Отдела, Солоцкий потерпел серьезное поражение,главным образом вследствии отсутствия у него патронов. В его войсках начались распад и митингование.Об,единив вокруг себя 5.000 твердых казаков - он решил пробиться ко мне.Остальная часть Отряда,пошедшая самостоятельно,напоролась под станицей Андреевской на превосходныя силы красных и потерпела вторичное поражение.Остатки этого Отряда, пробились позже на соединение со мною,но не застали меня,ибо,к тому времени,я ушел в пределы Ставропольской губернии.Тогда,через Клухорский перевал,отряд направился к Сухуму,где был обезоружен Грузинскими войсками и интернирован в Грузию".

Так пишет о доблестных Лабинцах наш дорогой Андрей Григорьевич Шкуро,на страницах 124 и 125 своей интересной книги.

От себя должен добавить следующее: - Сотник Луценко,казак станицы Попутной,теперь командир 2-й сотни 1-го Лабинскаго полка,разсказывал мне,что - "Их отколовшийся Отряд в 400 конных казаков перешел Клухорский перевал,вошел в Грузию,которые их не только что не обезоружили,но приняли исключительно сочувственно,тепло.В это-же лето,их Конный отряд в 400 казаков,с Грузинскими войсками наступал на красных вдоль Черноморскаго побережья под начальством генерала-грузина и занял Сочи и Туапсе, жители которых,принимали их восторженно".

Интересный отзыв дает о под,есауле Солоцком Д.Е.Скобцов,казак станицы Урупской,так-же коренной Лабинец,политический деятель Кубани.

Я приведу подлинные его слова по книге - "Три года революции и гражданской войны на Кубани",Париж,1961 г.

"На другой день прибыл в Ставрополь /9 июля 1918г.Ф.Е./ полковник Шкуро и тотчас-же занялся развертыванием своего Отряда в дивизию,согласно указания штаба Добровольческой Армии.

Мне пришлось быть при очень характерной сцене: - Шкуро сидел за столом и закусывал.Ему подали жареную курицу.Он пригласил меня разделить трапезу.

В комнате толкотня.Входят и выходят ад,ютанты. Заходит Войсковой Старшина Солоцкий" /здесь ошибка:Солоцкий еще не был тогда произведен в этот чин Краевой Радой,а был под,есаулом,Ф.Е./,член известной офицерской фамилии на Кубани,но за старшим поколением установилась молва,как о старорежимниках...Этот-же,из молодых,до мобилизации на войну /1914г./ был студентом политехникума и,вообще,вопреки семейной традиции - из него получился культурный и вдумчивый казачий офицер" /стр.128/.

В эти исторические,и так памятные,дни,я был в Ставрополе и вошел в Отряд Партизана Шкуро.Описывая те события - вот как я аттестовал подесаула Солоцкаго в своих брошюрах "Партизан Шкуро":

"В темно-серой дачковой черкеске,в хорошем,скромном по отделке серебром холодном оружии /кинжал,шашка/,с густою черною бородкой подстриженой "по-черкесски",но с молодым лицом и живыми умными карими глазами - по внешнему виду он был очень солиден.Издали - словно генерал.Этому импонировала борода,хотя ему,может быть,было чуть свыше 30-ти лет.

Под ним дивный,светло-гнедой масти,с черным хвостом и гривою,живой как ртуть,кабардинский конь.И седок и лошадь - украшают один другого.

Солоцкий очень находчив в разговоре,живой в нем.К большевикам питает исключительную ненависть и такую,какую питает земледелец к разным сорным травам,поросшим в его пшенице.

"Этот бурьян надо вырвать с корнем!...что бы пшеница была бы чистою и полезною",говорит он нам,стоявшим с ним на площади.

Выразив такую мысль и бросив на нас быстрый орлиный взгляд - он молодецки вскочил в седло,привычно,правою рукою с плетью быстро подобрал под себя полы черкески.Его кабардинец немедленно-же "заегозил" под ним,прося повода.

У него в крови,безусловно,есть что-то черкесское и высоко-благородное. Он и сейчас - в желтых замшевых перчатках и,чисто "по-горски",со ложеой вдвое плетью в руке,служащей ему только для украшения,как всякому кавказскому наезднику, иль стэк у кавалериста.

Козырнув нам с седла - широкой рысью своего горячаго кабардинца - он двинулся к своей Лабинской бригаде,выстроеной вдали.

Он совершенно культурный человек и точно знает - что он хочет. Не могло быть сомнения,что это нарождался видный Герой Кубани.Но судьба была жестока к нему...

Через несколько дней,командуя Лабинской бригадой,с которой он прибыл сюда со Шкуро - у горы Недреманной, что южнее Ставрополя - разрывом шрапнели красных - он был убит на-повал... Кисмет /Судьба/. Стр. 32.

Таковы были казаки Лабинскаго полкового округа,даже,в самом начале борьбы против красных, аковыми и оставались до-конца,до самой гибели Кубанской Армии на Черноморском побережьи в апреле 1920-го года

Как их последний Командир полка на Родной Земле - описываю все живыми картинами то,чему сам был,и свидетель и участник.

НОВЫЕ ОФИЦЕРЫ ПОЛКА.

В самый разгар боя 24 февраля при оставлении станицы Дмитриевской, неожиданно представился мне хорунжий Косудьников /Андрей Александрович/ офицер нашего 1-го Кавказскаго полка по Турецкому фронту. Войсковым штабом он был назначен в 1-й Лабинский полк.

Он Терский казак. Сын военаго чиновника. Учился в одной из гимназий в Петербурге./Кстати сказать - вместе с Н.Н.Чухновым, о чем последний поведал мне здесь, в Нью-Йорке/.

Торопясь быть офицером и принять участие в войне - поступил в Екатеринодарскую школу прапорщиков и, летом 1916 года, прибыл в наш полк, в Турцию, имея на погонах "одну звездочку".

Хорошо воспитаный светски и воински, аккуратно одетый в черкеску, крепко и стильно сидевший в седле - он был принят нами, "старыми хорунжими" мирнаго времени - как равный.

Я был очень рад его прибытию и оставил при штабе дивизии, как хорошо грамотнаго офицера.

27 февраля в станице Казанской, представился мне Войсковой Старшина Ткаченко, назначеный Войсковым Штабом в 1-й Лабинский полк. Это было также очень неожиданно и приятно, т.к. самый его внешний вид, производил выгодное впечатление. Кроме того, я о нем многое слышал от Полковника Коли Бабиева, его станичника и двоюроднаго брата по женской линии. Два раза я его видел в Майкопе, где он был командиром сотни Кубанского Войскового конно-учебнаго дивизиона.

Как и Косульников - представился он мне верхом на лошади и, как-то, не в урочный час, при вступлении дивизии в Казанскую.

Под ним крепкий карабах темно-серой масти, почти "чалый". Прибыл одиночно, даже без коннаго вестового. И весь его "офицерский багаж", находился в обыкновенных кавказских казачьих ковровых сумах, в тороках позади седла. Это мне также очень понравилось.

По выпуску из Казачьей сотни Николаевскаго кавалерийскаго училища в Петербурге - он младше Коли Бабиева на один год; следовательно, старше меня на пять лет. Он одного выпуска с генералом К.К.Агоевым.

С похода - сразу-же пригласил его к себе на обед со штабом дивизии. Он неизменно титулует меня "господин полковник", а когда за столом я попросил называть меня по имени и отчеству - он вежливо, но сдержано, поблагодарил меня и обед прошел тепло, в тех приятных и душевных разговорах, которые могут быть только среди кадровых офицерах.

Одет он был в гимнастерку, в бриджи, в мягких сапогах - совсем не по походному, т.к. всю гражданскую войну провел в тылу, в учебном дивизионе, где у него "что-то" произошло с начальством, как он сказал и - гордый офицер вышел на фронт, в свой по рождению 1-й Лабинский полк.

Многое потом: он разсказывал, почти анекдотическое, о юнкерских годах своего родственника Коли Бабиева, но, я видел, что он и сам многому подражал ему в жизни, в строю, в манере держать себя. Как и носил таковые-же усы - горделиво вверх.

Он оказался отличным офицером, серьезным и надежным полковым товарищем, авторитетным среди подчиненных ему офицеров, примером им во всем.

Казаки-же видели в нем своего коренного Лабинца, станичника и серьезнаго офицера, у котораго слова не расходились с делом. Я ни разу не заметил, что бы он проявил чем-да-нибудь свое неудовольствие, что подчинен младшему его по выпуску из военнаго училища офицеру. Он был отлично воспитан и дисциплинирован. Многое мы понимали с ним чутьем. И до самой гибели Кубанской армии - никогда у нас не было недоразумений. Не оставит он своих Лабинцев и в трагический час гибели их - оставшись с ними до конца....

П Р О Щ А Н И Е К А З А К А . . . .

Сережа Севостьянов" - так называли его в станице Кавказской - как любимца всех.

Сын урядника-конвойца эпохи Императора Александра 2-го.Отец - высокий стройный суровый старик с длинною бородою,с котораго пиши потрет Главы Новгородцев - Гостомысла.Он коренной житель х.Лосева,принадлежащий нашей станицы.Общественная величина в хуторе и твердый старовер по вере.Семья их принедлежала к первым переселенцам на Кубань с Дона,при образовании станицы.Родовитые казаки и видные в станице.

В 1899-м году,когда я семилетним мальчиком поступил в первое отделение своего 2-х класснаго училища - Сережа был уже в 5-м отделении.Высокий стройный юноша лет 15-ти,сухощавый и жилистый,с острыми и веселыми серыми глазами - он резко выделялся среди сверстников своею активностью к разным забавам и,даже,юношескому озорству."Ватажный атаман" - можно было дать ему прозвище.Но удивительно то,что учители относились к нему с уважением.Импонировал он и тем,что в школу ходил в черкеске,и не простой,а суконной,т.е. дорогой,темно-вишневаго цвета.

После окончания 2-х класснаго училища - он скрылся из поля моего зрения на целых 10 лет и случайно увидел его в 1909-м году,когда он вернулся с действительной службы,отбыв ее вольноопределяющимся в одном из пластунских баталионов Войска.

Потом слышал,что он стал учителем в своем хуторе и,вот,опять через 10 лет - я его встретил сотником и полковым ад,ютантом 1-го Лабинскаго полка. О нем сказано в предыдущих моих брошюрах,что он заболел тифом и эвакуирован.

Умный,остроумный,находчивый,веселый - офицеры-Лабинцы в восторге от него,чему я очень рад за своего станичника.К тому-же,он мой родичь:-на его ближайшей родственнице,дочери долголетняго Атамана х.Лосева В.К. Жаркова - женат наш старший брат Андрей,техник по образованию,а теперь есаул 1-го Кавказскаго полка. Атаман Жарков,Василий Кондратьевич,бывший урядник-конвоец Императора Александра 3-яго.Все связано у нас общим ученьем,родством,службою.Мы все "свои".

Эвакуировавшись из х.Лосева больным - он прибыл с женою в Казанскую и остановился у тестя.Теперь он явился ко мне полуздоровый и хочет быть в полку.

"Зачем тебе становиться в строй полубольным?..вот моя тачанка,садись в нее и будешь следовать за полком",ответил ему.Он благодарит за внимание и просит проехать с ним к тестю и к теще - попрощаться перед выходом в поход,"в Грузию",как носился слух.Я согласился.

Дом тестя находится на юго-западной окраине станицы,у самаго обрыва к Кубани.

Мы там.Большой двор.Большой и дом,старинный,на высоком фундаменте. Амбар,сараи,но все запустелое,т.к.старик один.Единственная дочь,учительница,вот замужем за Сережей Севостьяновым,почему все хозяйство идет к упадку.

Тесть - сослуживец отца Сережи по Конвою при Императоре Александре 2-м.Он еще бодрый седой крупный старик с подстриженой бородою.Его овчинная шуба покрыта синим сукном гвардейскаго мундира-черкески,а на голове изношеная папаха с красным выцвевшим верхом,с галунами вахмистра. Он очень опечален нашим уходом и явно боится большевиков.

Его жена - одна святость,одна ласковость,одно внимание и любовь ко всем и,в особенности,к своему умному и почтительному зятечку-Сереженьке.Меня они встретили как своего родного.Наша мать,ведь,из Казанской.

Жена Сережи - высокая стройная казачка,склонная к полноте,вся в черном траурном платье - она не плачет,но стоит грустная и не знает - что -же делать и чем "угодить" своему Сереженьке,котораго видит,может-быть, "в последний раз"...Даже Сереже стало не по-себе...

"Да сядь-же ты,Дуняша!.. ведь не на-смерть я еду!"- старается весело говорить он ей. "Вот в Грузии переформируемся и скоро вновь вернемся"- добавил он.

Эти слова,словно,вывели ее из забытья и у нея молча полились горячия слезы.

"Ты все с шутками,Сережа... а разве до шуток теперь" - печально ответила она.

"Ну и что-ж?...плакать всем?" - вновь шутит он.

Может-быть я был счастливее Сережи,его жены,тестя и теши,что из родительскаго дома выехал непопрощавшись,а наоборот - выехал весело,будто бы разставаясь лишь на несколько дней.. Но здесь?...Здесь было наглядное горе,словно людей резали тупою пилою и... неторопясь.

Пусть печалятся и плачут старики,но вот,молодая женщина,полная физических сил,неиспорченная,влюбленная в своего умнаго мужа - что она должна испытывать,провожая его,может быть,"навсегда"?

"Пойдем,Сережа,на баз.Я тебе дам нашего подростка коня.Все равно его красные заберут"..говорит тесть.

"А может-быть,ненужно,папа? Я,ведь,и так обойдусь.И командир полка, вот,дает мне свою тачанку",отвечает зять.

"Нет,возьми... да и от меня тебе будет память",вторит тесть.

Мы входим в баз.Старик берет и выводит во двор очень крупнаго ширококостнаго трехлетняго "чалой масти" коня,офицерскаго сорта.Молодой конь доверчиво идет за поводом,а когда мы остановились - он играючи толкает своими губами в плечо старика.

"Спасибо,папа,но право"..

"Нет-нет!... Бери!.. Он тебе понадобится.И не разговаривай много,Сережа в такия минуты!" наставительно перебивает его тесть,вахмистр Конвой Его Величества,Императора Александра 2-го.

Сережа замолчал и стал седлать.Потом вошли в дом.Немного закусили. Без этого,проводы в казачьем семействе быть не могут.За столом разговор не клеился.Старушка-мать,нет-нет,да и заплачет.А старик-отец,сдерживая слезы - только досадливо вытирал свой нос и,незаметно,глаза.. Жена,как окаменелая.Да еще была во всем черном,стройная,высокая,она невыносимо страдала.

Страдал и я ото всей этой сцены..И только находчивый и остроумный Сережа говорил что-то...

Поели и стали прощаться.Вначале все помолились на иконы.Тишина стояла жуткая.Помолились.Сережа подходит к тестю и говорит:

"Ну.. прощайте папа....Простите меня,что может-быть,когда-либо и чем либо,Вас огорчил".И он размашисто,опускаясь на колени и понимаясь на ноги,кланяется ему в ноги.Тесть стоит и выжидает конца прощания.Все мы стоим молча.И когда зять "окончил прощание" - он обнял его и часто-часто поцеловал Сережу в губы,и вытер выступившие слезы.

Сережа подходит к теще и выполняет те-же земные троекратные поклоны. Потом подошел тихо к жене.Долго и глубоко посмотрел ей в глаза и тихо произнес:

"Ну... прощай Дуняша"...

Эти три слова вывели ее из оцепенения.Всем своим высоким крупным телом она повалилась на него и горько зарыдала.

Видя все это - я переживал жуткие моменты чужого горя.Я уже ругал себя - зачем я сюда приехал?.. Все это напомнило мне мою мать,бабушку,сестренок,находившихся,вот теперь,уже "под красными" и безо-всякой защиты. Мне стало безконечно жаль их.

Сережа оказался большой молодец и достойный мужчина.Он так умело успокаивал жену и наконец - привел ее в порядок.

Вступился и я,сказав,что - мы еще вернемся"...Говорил,а самому было стыдно за свои слова: - "Когда вернемся?..Каким способом?" - этого я совершенно не знал.

Сережа "вернулся" очень скоро...Выехав впереди полка,почему-то,прямо в Екатеринодар,незная маршрута нашего корпуса - 4-го марта он был отрезан красными от переправы через Кубань в хвосте многочисленных обозов многих войск,скрыто вернулся в Казанскую,был арестован,сослан в Ростовский лагерь и скоро расстрелян в Армавире вместе со свои братом Михаилом.Отец же их был расстрелян 24 марта 1918 года,вместе с нашим отцом,после неудачнаго "Кавказскаго возстания".

Так пролитой кровью "братается Казачество"...

— • —

В Казанскую,вместе с Кавказской бригадой,прибыл и мой "Хоперский выезд" с кучером Максимом-воронежцем.Там все мои лучшия офицерския вещи, два комплекта холоднаго оружия,серебряный кинжал деда,призовые жетоны и боевые ордена.

Негласно ходили слухи,что "мы идем в Грузию",там переформируемся и двинемся снова освобождать свою Кубан-Отчизну.Поэтому я заранее уложил все это и вот - они со мною.

Мой крестный отец грузин,поставщик 1-го Кавказскаго полка седлами и всем казачьим вооружением и обмундированием.Он умер,но в Кутаисе живет его жена и дочка,моя сверстница,как и много их родственников.Щегольну я там - думалося мне.

Горькое разочарование и обида:- все вещи с вачанкой,кучером и ад,ютантом сотником Сережей Севостьяновым попадут красным через пять дней и мой багаж в походе будет составлять лишь то,что было на мне.

Удивлен я был,что сюда прибыла сестренка Надюша,самая старшая из 3-х, самая грамотная,бойкая,активная,которая могла бы защищать от красных бабушку и мать.Но она так ненавидела красных и так боялась их после гибели отца,что я ее понял и только ласково пожурил.И хорошо вышло то,что она села в седло и не поехала на Хоперском выезде за сутки вперед с Сережей Севостьяновым.И если судьба ея была трагична через несколько месяцев/она погибнет/,то поход ея в горы,с Армией - дал ей предсмертную радость и доброе имя среди Лабинцев и в родной станице.

"Героиня Надя",писали из станицы,когда она была уже мертва.Жуть...

ВЫСТУПЛЕНИЕ В СТАНИЦУ ТИФЛИССКУЮ.

В приказе по корпусу назначено:- 2-я Кубанская дивизия,еще при темноте /указан час времени/,сосредотачивается на площади у станции Милованово,а 4-я Кубанская и др.части,западнее станицы Казанской.

В полной темноте,штаб дивизии подошел к указанному месту,но своих полков не нашел.Спешившись чуть западнее вокзала - штаб ждал их.Проходит минут 15 - полков нет.Стояла ночная тишина.В ней мне почудилось,что у

вокзала,слышен какой-то разговор и так знакомый лязг стремян.Думаю - может-быть полки выстроились на северной стороне от жел.дороги,где нет никаких построек?

Посылаю двух ординарцев выяснить - в чем дело? Но не прошло и пяти минут,как они прискакали обратно и быстро,таинственно докладывают,что у вокзала - красная конница.

"Как?.. Как Вы узнали?.. не ошиблись-ли Вы?" как ужаленый бросаю им короткие вопросы.

"Никак нет,господин полковник! Когда мы под,ехали и спросили - какой полк? - нам ответили: - "18-й Кавалерийский"...ну,мы,сразу-же поняли,что это красные. И скорее сюда"...

"А Вы какого полка?" крикнули они.Но мы им ничего не ответили и поскакали назад".

"Сади-ись"...тихо скомандовав и штаб шагом двинулся на запад,по улице между пустынными гумнами.

"Какова полка?" - слышу позади себя,между конским топотом,совсем "не ласковые слова" и не казачий выговор.И,не отвечая - быстро перевел всех в широкую рысь.

"А-а!.. белые,вашу раз-этак мать!" - роздалось несколько голосов и тут-же роздалось несколько выстрелов "с седел".Стояла полная темнота и пули красных пролетели над нашими головами.

Уже светало,когда штаб дивизии выбрался на западную окраину длиннрй станицы,где и обнаружил весь корпус,сосредоточенный в резервную колону.

"Ваше Превосходительство! - как-же это так случилось",удивленно и обиженно спрашиваю я командира корпуса,генерала Науменко,узнав от своих командиров полков,что сам генерал,стоя у дороги - направлял полки 2-й дивизии не на условленное место,а прямо "по дороге к станице Тифлисской".

"Вы меня извините,Елисеев,но - когда-же Вы успели проскочить к вокзалу? Я хотел и Вас завернуть сюда,что-бы не терять времени",говорит он, как всегда ласково и улыбается.

"Да ведь нас,штаб дивизии,красные могли-бы захватить живьем,если бы я не послал ординарцев,выяснить - кто на вокзале?" - удивленно-возмущенно докладываю и разсказываю - как это было?

У меня,от страха,что нас могли красные захватить - только сейчас выступила та холодная капля пота,предвестница возможной беды.Тогда было не страшно,а вот теперь,вслед - стало очень страшно.Словно мозг только сейчас сознал "о случившемся".Спешив штаб - ведь я мог пройти в вокзал с начальником штаба,даже без ординарцев! И,конечно,"живьем" попасть в руки красных.Иль изрубили бы они нас,при сопротивлении.Все это только сейчас выявилась "в реальность" - что могло-бы быть?...Я,ведь, умышленно продвинулся со штабом чуть вперед,что бы дать место полкам на неболь шой привокзальной площади, чем избег непосредственно встречи с красными.

Генерал Науменко искренне смущен и говорит: - "Ну,Вы уж не обижайтес, Елисеев...это моя вина".

Его начальник штаба,приятный полковник Егоров,молчит.Молчит и мой начальник штаба дивизии,65-летний старик,генерал Арпсгофен.А что они оба думают,офицеры генеральнаго штаба - я не знаю.

"Хорошее извинение"- думаю я и ругаюсь в душе,отчетливо сознавая,что "подобныя ошибки в распоряжениях" - могли бы дать трагические результаты.Но Науменко оч.корректен в обращении и я не могу на него сердиться.

Еще "не остывший" от негодования - я"наскочил" на командиров полков.

"Приказ читали по дивизии.- где сборный пункт?.. и когда?.. так почему-же не шли туда?... да еще опоздали! - серьезно говорю им,сплошь своим друзьям.

"Что опоздали,то это да,господин полковник",говорит мне старший из них и самый смелый на-слова,"но потом,сам командир корпуса указывал нам двигаться в другую сторону.Как-же было не исполнить это приказание?" - оправдывается полковник Булавинов. И тут-же вновь возмущается "штабами", словно рад и еще одному случаю,что бы по заслугам раскритиковать высшее начальство.Это меня успокаивает и мы уж улыбаемся с ним,как о незначительной ошибке тех,кто руководил нами.

"М Ы И Д Е М В Г Р У З И Ю". . .

Длинною узкою лентою в колоне "по-три" - весь корпус вытянулся по дороге в станицу Тифлисскую,отстоявшую от Казанской в 25 верст.Вправо,насколько хватал глаз - была равнина.Далеко-далеко,паралельно нашему движению,по ней пробегала жел.дорога,которую обозначали телеграфные столбы.

Дальше,за жел.дорогой,на север - на горизонте показалась длинная кишка конницы красных.Она так-же шла на запад,как и мы.И шла шагом,буд-то бы боясь подступить к казачьим станицам.

Левее нас тянулась цепь больших и малых курганов,а за ними непосредственно следовал крутой обрыв,волнистые кочугуры,ниже которых текла наша Кубань.

На пол-пути между этими станицами,по сигнальной трубе,весь корпус выстроился в резервную колону,остановился и спешился.Штаб корпуса маячился на очень высоком остроконечном кургане у самаго обрыва и на уровне головы общей резервной колоны.Полки чего-то ждут.Вдруг роздался мелодичный звук сигнальной трубы,коротк ими рывками:

"СОБЕРИ-ТЕСЬ!... РАЗ,ЯСНИ-ТЕ!... ВС УЧЕНЬЕ-Е!"

Этот сигнал указывал "на сбор начальников отдельных частей",который подавался в кавалерии,что бы сказать,раз,яснить этим начальникам какое-либо важное распоряжение.И только что все высшие начальники,начиная от командиров частей сели в седла,как услышали второй сигнал:

"ВСАДНИКИ ДВИГАЙТ ВАШИХ КОНЕ-ЙЙ,
В ПОЛЕ,НАМЕТОМ,РЕЗВЕ-ЕЙ!" - что означало - прибыть широким наметом.

И вот - два начальника дивизии со своими начальниками штабов и старшими ад,ютантами,8 командиров полков со своими ад,ютантами,командиры батарей и командир Партизанскаго Отряда - широким наметом поскакали к кургану со своими конными вестовыми,всего до сорока всадников.

Подскакав к кургану - спешились и бистро взобрались по крутому подему к штабу корпуса,который,стоя,заканчивал свой походный завтрак.На не большой скатерте,раскинутой на самом пупе кургана,еще была закуска.Далеко внизу,стояла спешеная конная масса казаков тысячи в три.

НИЧТО: - ни этот завтрак,так принятый у офицеров на походе; ни дивный теплый весенний день/утро/; ни вид спешеннаго корпуса и дивный ландшафт местности к югу,за Кубань,насколько хватал глаз - все нисколько не сказали-бы постороннему человеку,что вот - происходит один из этапов

трагическаго отступления Армии.Все было так,словно происходит не война, а легкий и приятный маневр мирнаго времени.

"Кто хочет закусить,господа?" - ласково обратился генерал Науменко к нам,старшим начальникам,остановившимся перед ним. Все мы,козырнув,отказались,т.к.прибыли за какими-то важными распоряжениями от командира корпуса.

Генерал Науменко сказал нам очень коротко и просто,на этом очень высоком кургане,в этот очень приятный весенний день-утро,при очень поэтической обстановке: - вправо,к северу от нас - три тысячи спешеных казаков,много подвод,пулеметных линеек - стоявших громадным казачьим табором совершенно по-мирному,а слева,к югу,далеко вниз,за перекатами кочугуров, которую,буд-то и недостать - мирно текла наша,теперь уже,"невольная Кубань"...

Он сказал,буквально,так:

"Господа!... мы идем в Грузию.Там Кубанская армия будет реорганизована для новой борьбы.Казаки вольны идти со своими офицарами туда,иль оставаться в станицах.Препятствий им ни в чем не чинить"

Для всех нас это была полная неожиданность.Нашего мнения по этому поводу он не спросил,как и никто не задал ему никаконо вопроса.Сказал, взял руку под-козырек и предложил тут-же все это об,явить своим полкам.

После этих слов,у меня,парал-ельно,пронеслись в голове два чувства: одно приятное,что мы идем в Грузию, и там переформируемся для новой борьбы,а второе неприятное,тяжелое,что - казаки могут идти и могут не идти с нами офицерами,по добровольному своему желанию.

Потом,делясь впечатлениями со старшими начальниками корпуса,все находили,что "вторая половина" сообщения генерала Науменко,была опасная для полков и могда внести большое разстройство в умы казаков.

Пока-же что - все мы откозырнули своему командиру корпуса,сели в седла и поскакали к своим частям.

Я решил сам сказать своей 2-й дивизи о сообщении генерала Науманко, для чего посадил полки в седло,что бы мне было видно казаков и что-бы они яснее услышали бы мои слова.

При глубоком затаенном молчании,как что-то особенно таинственное,но такое таинственное,которое принесет им одну лишь радость - выслушали казаки мою коротку́ю речь,только по сути дела.Выслушали и... полки продолжали стоять молча,послушно в строю,словно ничего и не случилось. И же себя,после этих слов,почувствовал так... и,даже,не почувствовал,а ожидал, что - вот-вот,из строя,роздастся грозный голос кого-либо:

"... Так что-же это Вы,господа офицеры?!...Целых два года звали нас только на жертвы!... мобилизовали,требовали исполнения,а теперь - кто хочет,тот может идти с Вами дальше,а кто не хочет может оставаться под пятою большевиков?!... Так что-же это такое?! ... За что?!."...

Но этого,к счастью,не случилось.И все полки,так-же молчаливо,все они роднее-роднаго нам Кубанские казаки - последовали от этого кургана,что между Казанской и Тифлисской станицами,в неведомую даль и в полную неизвестность за своими начальниками.

Судьба,потом - жестоко посмеется над ними....

— ° —

В некоторой заграничной казачьей печати подчеркивалось,что генерал

Науменко, этим своим заявлением, якобы, "демобилизовал свой корпус", что совершенно не соответствует действительности. Казаков распрашивать тогда не приходилось, но со своими помощниками икомандирами сотен 1-го Лабинскаго полка говорилось откровенно и все они заявили, что казаки воодушевились тем, что "теперь мы оторвемся от противника, войдем в Грузию, там отдохнем /морально, конечно/ и с новыми силами перейдем в наступление".

Мы все не сомневались, что в портах на Черноморском побережьи, в Туапсе и Сочи, заготовлены большие запасы фуража и продовольствия для всей Кубанской Армии; с Грузинским Правительством заключен договор и мы туда идем как в дружественную и Православную страну.

Несомненно, что только вчера в наш корпус приезжал Командующий Кубанской Армией генерал Улагай, который, имея главныя дерективы от Главнокомандующаго Армиями генерала Деникина - передал все это генералу Науменко, который и высказал их нам.

Возможно, что генерал Науменко, как офицер генеральнаго штаба, видел гораздо дальше нас, строевых начальников, неискушенных в политике, вернее - ничего в ней не понимавших тогда - и послушных в воинской дисциплине что - "война, фактически, окончена не в нашу пользу"...и что бы не вести казаков в полную неизвестность и не быть морально ответственным перед ними - предложил идти в Грузию только желающим.

В СТАНИЦЕ ТИФЛИССКОЙ.

29 февраля /высокосный год/, корпус вошел в Тифлисскую. Это была последняя станица нашего Кавказскаго полкового Округа. В 1-м Кавказском полку мирнаго времени, тифличане считались молодецкими казаками, хорошими наездниками, стойкими казаками против красных.

В тот-же день я проехал к памятнику-обелису, поставленному станицею 34-м казакам, бывшим моего Коннаго Отряда, разстреляных красными 24 марта 1918 года, после нашего неудачнаго Кавказскаго возстания.

Рядом могила командира 1-го Кавказскаго полка полковника Арфенова, погибшаго под Царицыным в 1919 году. Его я хорошо знал по Манычскому району, где вместе командовали полками в 3-й Кубанской дивизии генерала Бабиева.

Он гусар. Добрый человек и храбрый офицер. И в боях тогда - он на английском седле, в кителе, в фуражке, в пенсне и со стеком в руке. Казаки искренне полюбили его и по ходатайству фронтовиков - станица приняла его в казаки.

Судьба, словно, нарочно послала мне все эти жуткие этапы переживаний по родным Кавказским станицам, что бы одному из ея старших сынов, показать во всю свою оголеную рану - страданий и жертв Казачества. Но я и без этого знал, видел, чувствовал и перенес "первым и полностью" на своем семействе....

Грустно перекрестился я, глядя на этот "обелиск", на котором были начертаны фамилии разстреляных казаков и среди них, их начальника, всем известнаго в полку по Турецкому фронту, младшаго урядника Романа Кольцова.

Долгим скорбным смертельным взглядом смотрел на меня он тогда, в степи, между Кавказской и Дмитриевской станицами, когда пали казаки Отряда духом, узнав, что наши главныя силы, пехота, разбиты красными и нам надо, как-то спасаться. .И он, со своею полусотней повернул назад и тронулся к своей станице. Красные их уже ждали на всех входах. Часть казаков спаслось, но 34 схватили с седел и разстреляли на второй-же день...

Красные войска вошли сюда через день и немедленно-же разрушили этот высокий шпилевой памятник-обелиск.

Несчастные их жены,матери отцы!..Как и несчастны сами погибшие!..Даже и в могилах им не дали покоя...

— • —

Еду проведать своего вернаго сотатника "От Воронежа и до Кубани", старшаго урядника-конвойца Тимофея Сальникова.

На удивление - они бедны.Во дворе обыкновенная хата,сараи для скота. Нет даже и амбара.И только одна пара отличных рослых рабочих лошадей в хороших телах.Отличный строевой конь был и под Сальниковым.

У ворот меня встречает его отец.Он окликнул Тимофея "с база".Увидев меня - смутился.Думал,что я его буду ругать - почему он не в своем 2-м Кавказском полку,как "казак второй очереди".

Настроение его я отлично знал еще и тогда,отступая от Воронежа.Он и тогда не верил в нашу победу,видя недостаточный порядок во многом,в особенности в отношении к крестьянству.

"Ты остаешься,Тимофей'...Продай мне своего коня? Его все равно отберут красные",были мои слова к нему.

"Не могу,Федор Иванович!.. Всю действительную службу прослужил на нем в Конвое...и гражданскую..Целых шесть лет.Дорог он мне.И жаль.Спрячу его... А если отберут красные,то,значить,судьба" - печально говорит он мне,этот умный серьезный старший урядник Конвоя Его Величества и его черные глаза - стали еще грустнее.

Он просит "обязательно" зайти в хату и "хоть посмотреть Святой угол" как говорят в станицах.Этому разсудительному казаку отказать я не могу.

Зашел,перекрестился на иконы в Святом углу.Сели за стол.Он один сын. Мать и жена у печи.Обе молчат и грустны.

"Вот,мама и ты,Феня,тот мой полковник станицы Кавказской,о котором я так много Вам разсказывал.Таковых уж не сыскать.... Ежели бы все были такие",вдруг говорит он.

"Да ты што,Тимофей?!.. перебиваю я его."I зашел к тебе отведать хлеба-соли и повидать Святой угол,а ты занимаешься каким-то восхвалением".

"Э-э... Федор Иванович... вот в этом-то и горе наше,что не все офицеры были настоящими!..Што я,не вижу! Тоже,службу военную хорошо прошел! Многое видал! Теперь Вы уходите...А сам остаюсь... Не могу и не хочу идти... Не верю!... Пусть што будет.. И перед разлукою - хочу Вам сказать то,што у меня на душе".

Писали потом,что красные коня отобрали на второй-же день.

В СТАНИЦЕ ЛАДОЖСКОЙ. В ШТАБЕ КОРПУСА.

С красными у нас потеряна связь.После дневки в Тифлисской - корпус вошел в станицу Ладожскую,Екатеринодарскаго Отдела.Эта была родина генералов Косинова,Растегава и полковника Калугина.наших Кавказцев,и другаличнаго,полковника Семенова.Она расположена на высоком плоскогрье и Кубань протекает непосредственно внизу.2-я дивизия расположилась в самой восточной стороне станицы,а штабу дивизию отведена квартира в доме станичнаго атамана,бывшаго урядника Конвоя Его Величества.Хозяйство атамана хорошее,но не отличное.Скромная молчаливая жена.Атамана мы не видим, т.к.он все время находится в станичном правлении.

Где противник - неизвестно.Еду в штаб корпуса для ориентировки.Там вижу очень красиваго старика-генерала.У него роскошная седая борода,холеная,аккуратно подстриженая на две стороны.Одет эллегантно.На нем свет ло-серая чистая черкеска на черном бешмете.На ногах мягкие хромовые сапоги.Оружие,кинжал и шашка,в богатой серебряной оправе.Он так нарядно,

и аккуратно,был одет, что - если-бы не роскошная седая борода,иль - если-бы не видеть его головы,можно было подумать,что это сидит только что произведенный в офицеры юнкер.

Он был элластичен не только что в своих манерах,но был элластичен в манере ставить слова в предложениях.И сидит он на стуле легко,готовый быстро подняться с него в любой момент и,в особенности,на зов начальника или дамы.

Вид его был таков,словно он собрался на бал и вот,по пути,заехал сюда,на военное совещание.

Тут-же сидел начальник 4-й Кубанской дивизии полковник Хоранов,который прищурившись чисто по-горски и не спуская со своего лица,какой-то странной,смущеной и,слегка,растеряно-заискивающей улыбки - говорил какие-то каламбуры /игра слов/,обращаясь то к генералу Науменко,то к этому генералу.

Здесь говорилось об отступлении за Кубань,и еще "что-то" и ничего особеннаго.

Потом генерал Науменко отпустил всех и посоветывал этому нарядному генералу вернуться в Екатеринодар,явиться в Войсковой штаб и "уж там все выяснить".А что "выяснить" - я не знал.Об этом разговор был,видимо, до моего прибытия.

"Полковник Елисеев... задержитесь здесь немного",говорит мне генерал Науменко.

Мы едем верхом в станичное правление,откуда он хочет говорить с начальником Кубанскаго Войскового штаба.Мы там.

"Вы знаете,Елисеев,что случилось?,с улыбкой спрашивает он меня.

"Ничего не знаю,Ваше Прквосходительство",отвечаю ему.

"Да вот,этого генерала,Серафимовича,прислал ко мне Войсковой штаб на должность Начальника 4-й дивизии... И как нарочно,Хоранов был у меня... А Серафимович представился мне,как уже,начальник его дивизии.Вы разве не обратили внимание - какое выражение лица было у Хораныча?" продолжает Науменко.

"Но я решил оставить Хоранова в этой должности... И вот,об этом,буду говорить с начальником штаба Войска. И хочу,что-бы Вы присутствовали".

"Но это еще не все"- продолжает он."Вы видели когда-либо такую смелость?... Хоранов не просит,а требует,что-бы я его представил в чин генерала! Вы знаете,как он умеет к этому "подойти"? - возмущается он.И тут же копирует слова Хоранова,с его некоторым осетинским акцентом,отчего нам обоим становится весело.А слова Хоранова были таковы:

"Ваше Превосходительство...Вы знаете,что командир бригады уже должен быть генерал-майор?.. а я командую у Вас дивизией и все остаюсь в чине полковника"..

У Хоранова,несмотря на его высшее образование - осетинский акцент, все-же,оставался.Он,напрмер,произносил "гэнэрал",вместо генерал

Произнеся целую тираду "слов Хоранова" - Науменко спрашивает меня:

"Ну как Вы думаете,Елисеев?Стоит-ли представить его в генералы?"

"Представте,Ваше Превосходительство... Он не плохой человек...Старый офицер .. Мы отступаем...И,все-же,он действительно,ведь,начальник дивизии... И,как-никак, - он собрал казаков-кавказцев!" - закончил я.

"Я и сам об этом так думал.И Вас спросил так,для проверки своих мыслей,т.к.Вы бывший его однополчанин и его лучше знаете,чем я",закончил он

В это время его вызвали к аппарату.И после положеных приветствий и разговоров,ответ котораго я не знал - Науменко поведал мне,что - "По телефону штаб не хочет давать чин генерала и предложили представить

письменно."Вот-то Хораныч будет рад" - закончил он.

П О Л О Ж Е Н И Е Н А Ф Р О Н Т Е.

От станицы Казанской и до Ладожской - наш корпус отходил без боев и, даже,не имел противника в виду.

В книге - "Разгром белогвардейских войск Деникина",написаной доцентом,кандидатом исторических наук,полковником запаса Красной армии К.В. Агуреевым,Военное Издательство Министерства обороны Союза С.С.Р.,Москва 1961 года,с приложением боевых действий обеих сторон,указано,что - против 2-го Кубанскаго коннаго корпуса генерала Науменко,начиная от Маныча с самаго начала февраля 1920 года,действовали - 32-я,39-я стрелковыя дивизии и Отдельная кавалерийская бригада Курышка -/трех-полкового состава,Ф.Е./,стр.184 и 185. Но о том,что обе эти дивизии были полностью разгромлены и захвачены Лабинцами у х.Лосева и станицы Дмитриевской - ничего не сказано.

Дальше пишется на стр.195. - "Если раньше 10-я Армия предполагала нанести удар четырьмя дивизиями на Екатеринодар,то теперь эти дивизии предназначались для захвата района станиц Петропавловская,Курганная,а правофланговым соединениям - приказывалось овладеть районом Екатеринодара."

Разсматривая карту боев в этой книге - предназначенныя стрелковыя дивизии переправились за Кубань в районе станицы Кавказской,где оба моста,железнодорожный и для подвод,как я писал,не были взорваны и направились к этим станицам.

"Конной армии Буденнаго,с приданием в ее состав 2-м Конным корпусом 10-й Армии - нанести удар в районе станицы Леушковской и,оказывая содействие 10-й Армии - двинуться в район Усть-Лабинской станицы и Ладожской и овладеть районом Белореченской" /стр.194.

Это было у красных,точно указан район действий и задания.Мы оборонялись.Поместим здесь задание нашего Главнокомандующаго,генерала Деникина.

"К 3-ему марта 1920 года,Добровольческий корпус,Донская армия и части Кубанской - сосредоточились на ближайших подступах к Екатеринодару, в двух переходах от города.Штаб Донской армии перешел в Екатеринодар. Ставка - в Новороссийск.

В этот день,я телеграфировал Командующим армиями/т.е.генералу Кутепову,генералу Сидорину и генералу Улагаю,Ф.Е./ - "Политическая и стратегическая обстановка требует выигрыша времени и отстаивания,поэтому,занимаемых рубежей.В случае вынужденнаго отхода за Кубань - линий рек Кубань-Лаба,в крайнем случае - река Белая,является последним оплотом,за которым легко,возможно и необходимо оказать упорнейшее сопротивление,могущее совершенно изменить в нашу пользу ход операций"

/"Очерки Русской Смуты",том 5,стр320/

Когда в нашем корпусе,после оставления жел.дорожнаго узла станции Кавказской /х.Романовский/ происходила,как-бы "походно-боевая иллюзия" - в Донской армии,т.е.на главном направлении,происходили весьма драматические эпизоды.

Надорванная морально и оставившая "свой казачий порог и угол" - Донская армия искала во всем этом несчастьи,и виновника и выхода из положения.Об одном случае генерал Деникин пишет:

"Смута в умах Донцов не ограничилась рядовым казачеством.Она охватила

и офицерский состав,- подавленый,недоверчиво и опасливо относившийся к массе и давно уже потерявший власть над нею.Судьба день за днем наносила тяжкие удари.Причины обрушився бедствий,как это бывает всегда,искали не в общих явлениях,не в общих ошибках - а в людях.

Донские командиры,собравши совет,низвергли Командующаго Конной группой генерала Павлова,не казака,и поставили на его место донца - генерала Секретева"/ там-же,стр.320/.

Итак,Армии стояли в двух переходах от Екатеринодара и генерал Деникин продолжает:

"Отступление продолжалось.Всякие разсчеты,планы,комбинации - разбивались о стихию.Стратегия давно уже перестала играть роль самодавлеющаго двигателя операций.Психология массы довлело всецело над людьми и событиями.

4-го марта я отдал директиву об отводе войск за Кубань и Лабу и об уничтожении всех мостов.

Представители союзных держав, обезпокоенные стратегическим положением Юга,просили меня высказаться откровенно относительно предстоящих перспектив.Мне нечего было скрывать: - "Оборонительный рубеж - Кубань.Подымется казачество - наступление на север.Нет - эвакуация в Крым"/стр.321/

Об уходе в Грузию - у генерала Деникина,ни звука.Но о том - пойдутли казаки в Крым - генерал Деникин продолжает:

"Пойдут-ли? И не вызовет-ли отрыв от родной почвы и потеря надежды на скорое возвращение к своим пепелищам - полнаго упадка настроения и немедленнаго катастрофическаго падения фронта?"../стр.319/.

Генерал Деникин здесь ошибался: - казаки пошли бы куда угодно,в Крым, в Турцию,к чорту на рога,лишь бы не быть под большевиками.Нужно было только приготовить "это место" - куда уходить.Но оно не было приготовлено в практическом положении.Об этом будет сказано по событиям на фронте.Но самыя замечательныя строки генерала Деникина,о настроении в Донской Армии следующия:

"Когда предположено было вывести Добровольцев /т.е.Добровольческий корпус генерала Кутепова,Ф.Е./ в резерв Главнокомандующаго - это обстоятельство вызвало величайшее волнение в Донском штабе,считавшем,что Добровольческий корпус оставляет фронт и уходит в Новороссийск... Под влиянием Донских начальников,генерал Сидорин предложил план - бросить Кубань,тылы,сообщения и базу - двинуться на север.Это была-бы чистейшая авантюра - превращение планомерной борьбы в партизанщину,обреченную на неминуемую и скорую гибель.

План этот я категорически отклонил.Но переговоры между Донскими начальниками и генералом Сидориным о самостоятельном движении на север,повидимому,продолжадись,так как в одну из затянувшихся поездок генерала Сидорина на фронт,когда порвалась связь с ним - начальник Донского штаба,генерал Кельчевский,выражал свое опасение: - "Как-бы генералы не увлекли Командующаго на север".../том 5,стр.320/

Невдаваясь в разбор этого плана Командующаго Донской армией генерала Сидорина и его старших начальников в ней - надо сказать,что план этот говорил за то,что офицерский состав его Армии - не потерял доверия и власти над своими казаками,как писал об этом генерал Деникин.Хотя эта картина и была-бы как "Смерть гладиатора"...За границей мы только узнали,что к этому времени,фактичкски,"все было кончено": Сибирския армии отошли на восток за Забайкальское озеро к Атаману Семенову и сам Верховный Правитель,Адмирал Колчак - был разстрелян красными в Иркутске 7-го

февраля.

Оренбургская армия Атамана Дутова отошла в Китай.Северная армия генерала Миллера оставила Архангельск.Северо-Западная армия генерала Юденича отошла от Петрограда.Наши армии тянулись в узкое горлышко лесами и горами к порту Новороссийск... Но и тогда - "строй" не думал о наступающем "конце".

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ КУБАНЬ. . .

"20-я стрелковая дивизия,после короткаго боя отбросив за Кубань 2-й Кубанский кавалерийский корпус генерала Науменко,понесшим значительныя потери при переправе - к исходу 2-го марта - заняла станицы Ладожскую и Тифлисскую" - пишет так начальник этой дивизии Майстрах,в своёй книге - "Маныч-Егорлыкская-Новороссийск" на стр.153,чего совершенно не было.

Видимо,согласно общей директиве Главнокомандующаго - наш корпус приготовился к переправе через Кубань 4-го марта.

Для обезпечения переправы - генерал Науменко приказал мне с 1-м Лабинским полком выдвинуться на север от станицы Ладожской верст на пять и,не ввязываясь в сильный бой,задерживать противника до полной переправы корпуса.Потом сняться с позиции и ускоренным аллюром войти в станицу,переправиться и следовать за корпусом.Прикинуто время - сколько займет корпус при переправе.

Полк в степи.Там много не убраных копен хлеба.Меж ними и обнаружен противник.Завязалась ленивая перестрелка.Серое утро.Пасмурно.Чуть моросил дождик.Красные были пассивны,потому и было скучно.

Дождавшись условленнаго часа - широким разсыпаным строем сотен - Лабинский полк шагом отходил в станице,имея до трех десятков пулеметов позади,в одну линию,с храбрым есаулом Сапуновым,могущим дать нужный отпор любой атаке.Красныя цепи двинулись за нами неторопясь.

Дойдя до станицы - полк был свернут во взводную колону и широкой рысью,что бы оторваться от красных,пересек несколкр улиц.

Станица Ладожская раскинута на довольно высоком плоскогорье.Крутой обрыв отделяет ее от Кубани,протекающей тут-же,непосредственно внизу.К переправе,к мосту - дорога тянется по глубокому внему местности,снижаясь к реке и падая у самаго берега.

Весело,словно и не идет война,полк у моста.Все части уже на том берегу и здесь только последния обозныя подводы.Здесь же и генерал Науменко со своим начальником штаба и ординарцами,который руководил переправой.

Б.верху,в станице - послышались выстрелы,Громко залаяли собаки.Над кручей послышался плачь женщин.Красная конница при дивизии,видимо,вошла в станицу.Медлить с переправой было нельзя.

Приказав пулеметным и санитарным линейкам полка двигаться через мост.

- "А Вы,Елисеев,с полком вброд?" - мне показалось,шутейно,бросил он эту фразу в мою сторону и,улыбнувшись,показал рукою на воду рядом с мостом.

Полк,до 700 коней,пока пройдут все линейки,явно,задержится на этом берегу и красные,войдя в станицу,с гумен,что на очень высоком плоскогорье тут-же - могут сильно,и безнаказанно,пощипать полк.Все это быстро проносится в моей голове и,не разсуждая,первым вошел в воду.

Вначале было неглубоко,но потом,чем ближе к противоположному берегу - моя рослая кобылица заметно погружалась.Вот-вода дошла уж до тебеньков у седла,потом идет выше.Схватившись за переднюю луку и торочину - ногами вскочил на подушку.Оглядываюсь назад и вижу - казаки,видя глубину брода и думая,что я непопал на него - отклоняются ниже меня по течению,но..там уже не было брода. Длинною ломаною кишкою плыли казаки как попало,стараясь возможно скорее добраться до левано берега реки.

Получилось так, что "в последния минуты"- Кубань Родная, буквально, обняла в свои пышныя и раздольныя воды, удалой 1-й Лабинский полк - в последний раз....

Вот что было в действительности, а не то, что бахвально пишет красный начальник пехотной дивизии Майстрах. Как и нужно добавить, что никаких боев корпуса, после оставления х. Романовскаго - н е б ы л о, до самой Ладожской станицы.

Что замечательно было, так это то - никто не был в полку в обиде за это "холодное купание", когда казаки окунулись в воду до самаго пояса, а только весело смеялись над этим.

Поистине - великая душа казачья - и в доблести и в беде. Генерал Науменко, со своим небольшим штабом корпуса - перешел мост последним, который потом был взорван. Красные, с кручи, открыли незначительный огонь по арьергарду, но безрезультатно.

ЗА КУБАНЬЮ РЕКОЮ. . . .

Корпус вступил в очень влажную Закубанскую равнину, тогда как на правом берегу реки, почва была совершенно сухая.

Проходя по своим станицам - полки питались отлично, почти безплатно. Иногда платили только за фураж. Станицы были богатыя с хлебосольным казачьим населением. Да и как было брать деньги от своих родных воинов-казаков?

"Мы идем в Грузию", с полной недеждой, где будем через несколько дней, а в портах Туапсе и Сочи - "нас ждут громадные запасы продовольствия для полков", поэтому - полки и в богатой Ладожской станице, не запаслись "ни чем".

Да и обоза "перваго разряда", принятаго на войне, фактически, ни один полк не имел. И каждый казак "запасался" лично для себя как умел и хотел, имея торбу зерна для своего коня, не больше.

По мягкой грязи - корпус дошел до хутора Бологова. Передохнув - двинулся дальше на юго-запад и на ночь остановился в первом-же черкесском ауле. С арьергардным 1-м Лабинским полков - вошел в полной темноте. Черкес-хозяин, для штаба дивизии, отвел свою "переднюю", спрятав в дальней комнате всех своих женщин - жену и дочерей. Он очень безпокойно входил и выходил из нашей комнаты, расширенными своими черными глазами смотрел на меня и тяжко вздыха, а почему - я не знаю.

"Мы голодны и хочем есть", сказал я ему. После долгих переговоров со своею женою через дверь /говорил по-черкесски/ - сам принес нам молоко, сыр и хлеб. Всего в ограниченном количестве.

"Прощай Кубанския вольготныя богатыя станицы с хлебосольным населением", подумал я тогда, "покушав на-легке" и... не уютно заснул.

В это памятный день 4-го марта 1920-го года - мы перешли "Кубанский Рубикон", но совершенно не думая, что свою Родную Кубань, многие из нас - уж ник-когда н е у в и д я т . . .

Полковник Елисеев.

Написано в мае 1941г., в г. Сайгон, Индокитай, бывшая колония Франции, и издано в марте 1963г. Нью-Йорк - сокращенно. Продолжение следует.

К читателям: - Куплю все свои выпущеныя брошюры, платя за них половинную стоимость, в каком-бы виде они не были. Прошу не стесняться и слать их.